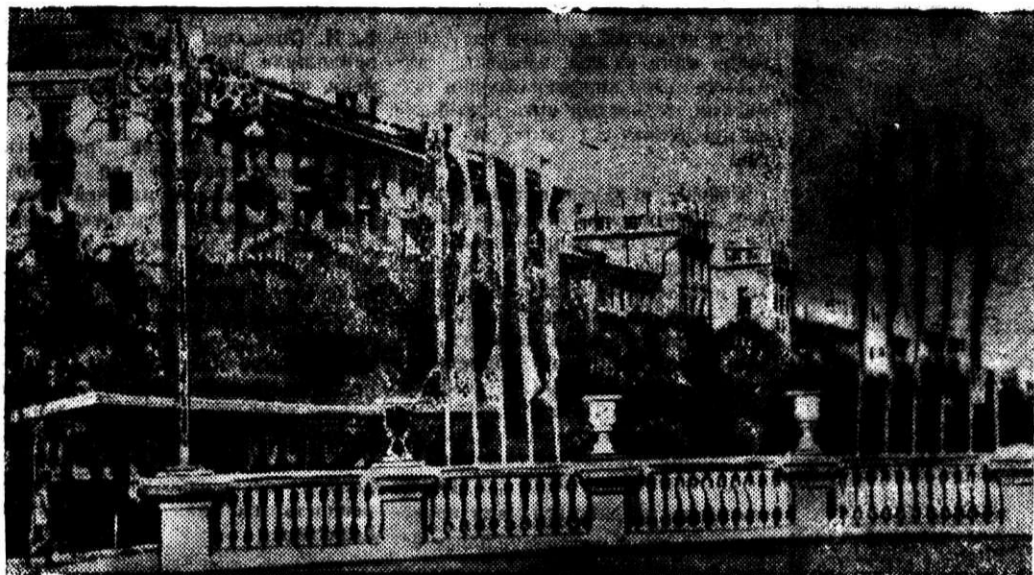


Литературная Страница



ГОРОД РОДНОЙ

Фото Н. Нестеренко

А ВОТ И ТРЕТИЙ!

А. НИКИТИН

— Ах, какая досада! Деньги-то я забыла, — сказала жена, оставившаяся возле магазина.

— Вот вечно у тебя так, — рассердился я, — о чем ты только думаешь? И не смотри на меня такими глазами, все равно за деньгами не побегу!..

— У, у, у, — вредный!.. На сумку, я мигом обернусь!..

— Знаю твой миг! — крикнул я и остался один.

То и дело хлопали двери магазина, выпуска и выпуска людей. Чтобы не торчать у всех на глазах, прошелся туда и обратно. Закурил.

— Разрешите? — спросил мужчина.

— Пожалуйста! — Он прикурил. Затянулся несколько раз. Посмотрел на меня.

— Может быть, на двоих, а? — Нет, нет, что вы? — ответил я.

— Что, много, да? Ну, тогда давайте на троих...

— Понимаете, мне нельзя, —

(ЮМОРЕСКА)

сказал я и поспешно пошел от него.

«Черт возьми, как ушла, так и пропала!» — подумал я о жене.

— Эй, товарищ! Айда к нам, одного не хватает, — позвал меня парень.

Я не ответил и зашагал в другую сторону. Выкурил еще одну сигарету, а жены все не было. «Теперь, наверно, деньги ищет, — думал я, — засунет их куда-нибудь и забудет, а я виноват!»

После нескольких попыток, «строители» оставили меня в покое, зато мной заинтересовался милиционер. Он два раза прошелся мне навстречу, делая вид, что смотрит куда-то в сторону, потом спрятался за телефонную будку и стал следить за каждым моим шагом. Это было неприятно. Я чувствовал его взгляд на себе, и мне казалось, что я в чем-то виноват. В таких слу-

чаях, наверно, надо сразу убежать, а бежать я не мог — надо ждать жену.

— Хоть бы кто-нибудь пригласил строить, что-ли! — подумал я, нервно закуривая новую сигарету.

Но никто не приглашал. Милиционер вышел из-за будки и направился ко мне.

Я швырнул недокуренную сигарету и бросился навстречу пожилому мужчине.

— Товарищ, будьте добры, на двоих, а? Сообразим, что ли? — я совсем запутался.

Мужчина выпучил глаза и спросил: — Что?

А милиционер подходил. — Что, много, да? Ну тогда на троих, а? — умолял я его.

— Ваня, что ты делаешь? Тебе же врачи запретили пить! Я так и знала, что он что-нибудь да натворит!

— Товарищ... — обратился ко мне милиционер.

— А вот и третий! — закричал я и, подхватив жену под руки, ринулся в магазин.

● Юрий КОСТАРЕВ

предутреннее

Я так соскучился по лесу,
как по девочкам не скучал.
Его б я слушал, как
невесту —
и как невесте отвечал.

Да я бы каждую сосенку
теплую, летнюю
расцеловал бы как
сестренку —
зеленую, пятилетнюю.

Но вокруг Магнитогорска
светлым-светло.

На леса Магнитогорску
не повезло.

И хозяйничают в Магнитке
зной и пыль.
И сгорает в жаркой пытке
седой ковыль.

А где-то падают росинки
в густом, необжитом лесу.
А где-то тонкие осинки
не знают про свою красу.

И бродит под сосной
девчонка,
полна зеленого огня...

Ах, ты,
девчонка-несмышленка,
ну позови скорей меня!

● Василий ПОНОМАРЕНКО

ГЛУБИНА

С. А. ЕСЕНИНУ

Я каждодневно погружаюсь
На глубину твоей строки.

И задыхаюсь,
задыхаюсь:

Давленье чувств берет в
тиски.

И никогда я не поверю
Тем, кто ее увидел дно...
Или сердца их в батисфере?
Мое — обнажено.

● Нәмир ГОЛЛАНД

стрижи

У горла зеленого мая
Как будто косые ножи
Мелькают, мелькают,

Сегодня мелькают стрижи.
А зелень — ее не расплавишь.
А листья — лучом не пронзишь.
Слетает с примолкнувших
клавиш

Один-одинешенек стриж.
Он мчится упорно и смело
От братьев своих в стороне.

Искрой атмосферной задело
Его на сферическом дне.
О, этот полет одиночный!
И нас пронизает порой,
Когда мы в упорстве непрочном
Куда-то летим по кривой.
А молнии плавно стекают.
В распашку стекло дребезжит.
Мелькают, мелькают,

Мелькают сегодня
стрижи!

Непременное условие
Мне поставила строка.
Чтобы стих писался кровью,
Чтобы речь была горька.
Это, в целом, выполнимо, —
Я с улыбкой отвечал...
Почему, однако, мимо
Звуки падают плеча?

Почему, забыв условие,
В дружбе с сорной лебедой,
Не пишу свою кровью,
А подчас пишу водой?
Вот и думай! А слова-то,
Словно в небе журавли,
Вглубь горячего заката
Неожиданно ушли.

НА КОНКУРС

„ТВОЙ СОВРЕМЕННОК“

ПРОЩАЙ, ДОМ!

Поезд мчался через лес. Огромные ели и сосны, выбегая навстречу, начинали о чем-то смутно шептать и, не дошептав, оставались позади.

Стояла холодная зима февраля 1942 года. При взгляде на безбрежную равнину снега казалось, что зима утвердилась навечно и никаких сил весны и солнца не хватит, чтобы заставить землю отбросить прочь свое пушистое снежное покрывало.

Вагон, в котором ехали завербованные на оружейный завод девушки, был предпоследним, и на поворотах был виден весь состав — как новенький мундир офицера, застегнутый на все пуговицы. Тоня отложила книгу и выглянула в окно. Из дома она уезжала впервые, и когда она подумала о том, как невозвратно далеко осталось ее родное село, где она провела все свои 18 лет — до вчерашнего дня, ей стало казаться, что она — несчастная маленькая пылинка, заброшенная в чужие бескрайние просторы волею случая. Особенно плохо было то, что рядом не было ни мамы, ни старшей сестры, чье присутствие сняло бы с нее опеку и страх перед будущим. Березы и ели за окном вдруг затуманились и пропали в мутной пелене.

Девушки расположились кто как; видно было, что их не волнует ни этот отъезд, ни ожидание

того, что будет впереди. Тоне всегда хотелось быть похожей на таких, как они, — веселых и бесшабашных.

Теплое и мягкое сияние залило вагон. Но лучше б его не было, этого сияния, тогда не было бы видно танцующей в вагоне пыли и ее резкого контраста — снежной искрящейся пыли за окном, когда так легко, сами собой возникают мысли о санках, о спуске с горы, ведущем к самому крыльцу родного дома, о сумерках синих, как тени в зимнем лесу, о возвращении домой после катания на санках, о румянце во всю щеку, когда взглянешь в зеркало мимоходом и замрешь, увидев там не себя — темноглазую румяную красавицу с налипшими на белый лоб темными волосами, и потом так хорошо на душе, как будто ты сделала какое-то важное открытие, и оно, это открытие, дарует тебе в будущем что-то неизведанное и прекрасное.

Все это разрушила война. Они ехали уже третий день, когда однажды на какой-то станции поезд внезапно остановился. Жадному взору девчат предстала военная полоса жизни: окопы, воронки от взрывов, обугленные за-

боры и покинутые дома с черными провалами окон. Мимо тряско проехала подвода с ранеными, и когда девушки увидели все это, они поняли: фронт рядом. Теперь их прежняя жизнь казалась им далекой и призрачной, а может ее и вовсе не было, той жизни, а есть только вот эта — полная тревог и опасностей.

Когда Тоня, высунувшись из дверей, увидела замкнутые, серые лица людей, стоящих на перроне, тощую коровенку с рыжими пятнами на боках, неведомо как очутившуюся здесь, она поняла, что все, чем она жила до этой минуты, что ее занимало и без чего она не могла представить себе жизни, отошло на задний план, стало неважным, мелким и каким-то детским, а сейчас, вот с этой минуты, начинается для нее новая жизнь, где она не будет принадлежать лишь самой себе и своим мелким мыслям, а будет делать все, чтобы ее мысли и дела служили людям, чтобы не мерзли на подводах раненые солдаты, чтобы коровенка с рыжими боками не ходила, мыча, по перрону, а стояла, сытая и ленивая от сытости, в теплом хлеву.

Галина УСТИНОВА

КАНАРЕЙКА

РАССКАЗ

ня, что я не на фронт еду, и не убью ни одного фашиста, а ты на фронт едешь, значит, убивать, а если простудишься, то не убьешь ни одного.

— А я как начну на передовой чихать, все фашисты разбегутся, — сказал паренек.

Тоня рассмеялась и взяла шинель. Остаток пути они ехали молча, думая каждый о своем, доверенном времени, и мысли у них были доверенные и легкие.

Город, куда они приехали, встретил их холодными негостеприимными сумерками. Белое небо, дорога, белые дома с черными окнами. Эта черно-белая пустота навдвинулась на девчат холодной, леденящей душу стеной.

Собственно, это был еще не город. Это был пригород — село, здесь, люди жили в своих домах, ставших за время войны холодными и неуютными. Изредка протяжно мычала корова в чьем-то дворе. Девушки стояли, топоча ногами от холода. Почему им никто не открывает? Ведь сказано же было: их возьмут на квартиру! Потом выяснилось, в чем дело: их приняли за бывших заключенных. Трудно сказать, откуда взялось и поползло из дома в дом такое предположение, но дело было сделано, и двери домов закрыты на задвижки. Никто не хотел принимать их на квартиру: кто знает, чего можно ждать от бывших заключенных!

(Продолжение на 4-й стр.)